

Вырезка из газеты

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от 6 мая 1940г.

Москва

Газета №

Великое и простое

Б. Пастернак сказал однажды, что большой человек — это как бы высшая форма простого, обыкновенного человека, кристаллизация его, наиболее полное его выражение, — и где-то в стороне лежит все остальное, все «необыкновенное» — так называемые «интересные» люди, «сюрпризники» в бархатных куртках и т. п. Подобная мысль, хотя и в другой форме, высказывалась не раз уже художниками и мыслителями. Она говорит только о той глубокой, кровной связи, которую чувствует творческий человек с людьми, с народом, со всем миром.

Такие слова и мысли приходят в голову, когда думаешь о Чайковском. Его суровый и несправедливый критик П. Кюи видел в нем только «обыкновенного» человека, слышал только «обыкновенную» музыку в его операх, симфониях, песнях. Он упреждал из виду малость: он не знал, что для того чтобы быть великим музыкантом, нужно быть прежде всего великим, а затем уже музыкантом. Он рассматривал музыку Чайковского просто как плохую или хорошую музыку, не почувствовал, или не желая чувствовать, что за этим таится. И до сих пор для снобов и эстетов Чайковский «не существует», «обыкновенность» его отталкивает их, они упрекают его в «банальности». Но когда эта мнимая «банальность» захватывает в плен человека, когда она заставляет его трепетать от радости, когда она исторгает у него слезы, когда она всецело властвует над ним, — не лучше ли дать ей другое, более подходящее имя, то, которое она действительно заслуживает, имя **гениальности**, самой обыкновенной, самой простой, самой несомненной гениальности.

Но всегда были и будут критики, выполняющие функции прокурорского надзора в искусстве. Пушкин, как известно (и вполне резонно), относился к ним с полным вниманием. Они быстро находят пресловутую «ахиллесову пятку» художника, точно регистрируют все его неудачи, судя его с точки зрения вершин, ранее достигнутых искусством и т. д. Но надо помнить, что ничего нет легче, чем найти недочеты у истинно гениального и оригинального человека. Если таланты горят, так сказать, только по правдивым и имеют досуг и терпение отшлифовать каждое свое произведение доотказа, то гении творят почти беспрерывно, — работа их мозга напоминает эманацию радия; а так как степень их вдохновения естественно бывает различна (в самой природе интуиции лежит прерывистость), то и произведения бывают различной ценности, и поэтому критику очень легко определить более слабые произведения художника, беря мерлом его же наивысшие, наиболее вдохновенные творения. Стихотворение Пушкина «Поэт» имеет не только ценность великого художественного произведения, оно имеет значение почти научной констатации факта сознания.

...И меж детей ничтожных мира

Быть может всех ничтожней он.

Сколько сетований в его письмах и дневниках на отсутствие вдохновения, на отсутствие таланта! И несмотря на это он писал и писал, как честный труженик, как добросовестный ремесленник, чтобы «не пропала снововка». Он знал, как пригодится эта снововка, когда придет вдохновение... Но — странное дело! — время, великий судья, сглаживает разницу между наиболее слабыми и наиболее прекрасными произведениями большого художника, мы учимся все более и более обозначать его как целостную, нераздельную личность, а совокупность его бесчисленных произведений — как одно творение, одно дело его жизни, одну направленность, одну страсть, одну волю.

И вот получается известная картина: даже самые совершенные, самые отшлифованные произведения среднего таланта спокойно умирают и забываются, а самые мимолетные, самые «неудачные» произведения гения живут и живут и нет им износу.

Нужно ли еще раз писать о музыке Чайковского, музыке, которая жила, живет и будет жить в сотнях миллионов сердец старого и нового мира? Особенно после всего того превосходного (достаточно вспомнить Игоря Глебова), что было о ней написано? И особенно если придет не музыковед или историк, а исполнитель, для которого наиболее естественным видом общения о музыке является ее исполнение?

Итак, лучше немного об исполнении Чайковского. Тут тоже лишних слов не приходится тратить. Вспоминается все, что слышал об игре братьев Рубинштейнов. Вспоминается Станиславский и Художественный театр. Та особенная простота и правдивость, свойственная великому рус-

скому искусству, правдивость Толстого, Чехова, Серова, Горького, — она живет и дышит в музыке Чайковского, она и должна быть душой его исполнения.

Но ведь исполнитель — это сложное и противоречивое существо. Он и любит то, что исполняет, и критикует его, и подчиняется ему всецело, и перерабатывает его по-своему. В иные минуты, и неслучайно, в душе его господствует тот самый суровый критик с прокурорскими наклонностями, о котором говорилось выше. В лучшие минуты он чувствует, что исполняемое произведение как бы его собственное, и он проливает слезы от радости, волнения и любви к нему. Ему неведно знать также, каким окажется произведение в кривом зеркале пошлого воображения, чтобы тем вернее избежать утрировки, невольного «дружеского» или недружеского шаржа: певцы с недостаточно высокой духовной и музыкальной культурой могут впасть при исполнении Чайковского в стиль «жесточего романса»; пианисты, недостаточно чувствующие теплоту, задушевность, искренность темперамента Чайковского, часто слишком подчеркивают браурную сторону его фортепианных концертов в ущерб их главному содержанию...

Мне лично приходилось слышать не раз чудесное исполнение Чайковского. Из дирижеров тут на первом месте Никиш, на певцов — Собинюв и Нежданова, у пианистов — Игумнов.

Для Никиша Чайковский был очевидно самым близким, самым родным композитором, исполнение его VI симфонии или «Манфреда» убеждало даже больше, чем исполнение им Бетховена или Вагнера.

Предельная эмоциональность, от которой действительно «мурашки по спине бегают», могучие подъемы, широкие спады и этот неиссякаемый поток глубочайшего чувства, великой искренности безмерной скорби, беспредельной радости, — все это было в исполнении Никиша. Как-то не хочется говорить о технических приемах, которыми Никиш достигал такого впечатления. — главный «прием» состоял в том, что он так ясно вникал музыкантам свое чувство и понимание исполняемого, что оркестр становился как-то веселее, как-то лантлив, каждый давал лучшее, на что был способен, каждый любил музыку пламенно и знал, что выполняет значительную и необходимую роль в ее развертывании, даже если эта роль состояла лишь в нескольких ударах там-тама.

Вот один эпизод на репетиции VI симфонии: оркестр довольно безразлично начал вторую часть, Никиш прервал его и сказал приблизительно следующее: представьте себе, что полутоловая мать где-то на чердаке огромного дома поет эту песенку тяжело больному ребенку над его кроваткой; вообразите себе чувства матери — и сыграйте это. Очевидец этого события клялся, что во второй раз оркестр сыграл это место чудесно. Московские оркестровые музыканты не могут забыть, как Никиш напевал отдельные места разных партий на репетициях «Франчески да Римини»: «Сразу все становилось ясно, и уже невозможно было плохо сыграть после этого».

Несмотря на крайнюю доступность музыки Чайковского, исполнение ее требует соединения стольких разнообразных черт у толкователя, что никак нельзя назвать его легким. Кроме глубочайшей эмоциональности, сколько тут нужно легкости, грациозности, силы и мягкости звучания, сколько хорошего вкуса и чувства меры! Наши лучшие певцы создали неуязвимую традицию исполнения Чайковского, традицию, которая живет дольше в более молодом поколении. — Козловском, Круликовой и других. Из пианистов — Игумнов знает тайну исполнения Чайковского, как никто. Многие пианисты проявляют большую виртуозность и браваду (вспомним хотя бы блестящее исполнение Артуром Рубинштейном концерта b-moll), но никто не дает такой звуковой картины, той простой и задушевной интонации, полной невыразимого очарования, как Игумнов.

Наши молодые советские дирижеры все чаще радуют прекрасными трактовками оркестровых сочинений Чайковского. К таким удачам относится исполнение в прошлом году на конкурсе дирижеров I симфонии К. Ивановым, а в нынешнем году — Е. Мравинским VI симфонии.

Мы можем не опасаться за дальнейшую судьбу наследия величайшего русского композитора: наши молодые исполнители любят его, упорно работают над ним и сумеют доставить радость своим исполнением многомиллионному советскому слушателю, которому Чайковский так дорог и близок.

Генрих НЕЙГАУЗ